

DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-2-231-237
УДК 378:811.1

Кульбашная Елена Валерьевна

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

ПРИНЦИП ЯЗЫКОВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье рассматриваются особенности формирования языковой толерантности (терпимости, сочувственного, соучастственного отношения к языковой и национальной культуре обучаемой и обучающей сторон) в условиях военного вуза. Раскрывается принцип межкультурного этического-лингвистического взаимодействия как основы языковой толерантности (терпимости) в обучающей и воспитывающей среде военного вуза. Военный вуз анализируется как основа формирования военно-профессиональных и этического-лингвистических (общекультурных и универсальных) компетенций, результатом восприятия которых является образ России как страны, где сформирован важный для каждого приезжающего на обучение из других государств межкультурный профессионально-ориентированный мир, центром которого является прежде всего личность военнослужащего.

Ключевые слова: военное образование, методика преподавания русского языка как иностранного, языковая толерантность, межнациональные отношения, профессионально-личностное становление, толерантное сознание.

Информация об авторе: Кульбашная Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, ВУНЦ ВВС «ВВА», г. Воронеж, Россия.

E-mail: elenakulbashnaja@rambler.ru

Дата поступления статьи: 20.02.2020.

Для цитирования: Кульбашная Е.В. Принцип языковой толерантности в преподавании русского языка как иностранного // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 231–237. DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-2-231-237.

Elena V. Kulbasnaja

Military Training and Scientific Center of the Air Force
“Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin”

PRINCIPLE OF LANGUAGE TOLERANCE IN THE METHOD OF TEACHING RFL

Features of the formation of linguistic tolerance (tolerance, sympathetic, participatory attitude to the linguistic and national culture of the student) in a military university. The principle of intercultural ethical-linguistic interaction as the basis of language tolerance (tolerance) in the training and educational environment of a military university. A military university as the basis for the formation of military-professional and ethical-linguistic (general cultural and universal) competencies, the result of which will be the image of Russia as a country where an intercultural professionally-oriented world is important for everyone coming to study from other states, whose center is primarily personality of the serviceman.

Keywords: military education, methods of teaching RFL language tolerance, pedagogical psychology, interethnic relations, professional and personal development, tolerant consciousness.

Information about author: Elena V. Kulbasnaja, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian language Department of the VUNC VVS VVA, Voronezh, Russia.

E-mail: elenakulbashnaja@rambler.ru

Article received: February 20, 2020.

For citation: Kulbasnaja E.V. Principle of language tolerance in the method of teaching RFL. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2020, vol. 26, № 2, pp. 231–237 (In Russ.). DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-2-231-237.

В настоящее время большое количество иностранных военных специалистов получают высшее образование в вузах Министерства обороны Российской Федерации. В Военно-учебный научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» ежегодно прибывают представители стран ближнего и дальнего зарубежья. Требования к высшему военному образованию регулярно меняются, но принцип остается один: мы должны, обучая, воспитывать, воспитывая, – формировать важнейшие интеллектуальные, физические, этические (морально-нравственные, патриотические) компоненты, в совокупности являющиеся непреложным условием формирования личности военнослужащего вне зависимости от его национальности, социальных и религиозных предпочтений. Особая сфера ответственности преподавателя русского языка как иностранного в военном вузе заключается в том, что именно на него изначально возложена задача посредством привития лингвистических (и этических) знаний, норм и способов взаимодействия так повлиять на иностранного военнослужащего, чтобы он даже при неблагоприятных политико-социальных изменениях в своей стране всегда оставался союзником России. Чтобы он с уважением относился к своему опыту пребывания и обучения в нашей стране, к ее людям, культуре, традициям. Чтобы четко осознавал важность мирного сотрудничества, общего дела во имя стабильности и развития важнейших составляющих мира в его разнообразных позитивных проявлениях: строительство, товарищество, совместное преодоление проблем и противоречий, стремление к пониманию и поддержке. Формальное же, ориентированное только на привитие знаний компетенций отношение к иностранным военным обучающимся «бьет» по самому уязвимому в них: открытости и стремлению к совместному, понимающему сотрудничеству в рамках российского военного образования.

Военное образование вообще серьезно отличается от классического и профессионального высшего образования, ориентированного на формирование специалиста в сфере «мирного строительства». Гражданский студент в отличие от военного курсанта – это свободный ваятель себя самого; это мировоззрение, ценностной основой которого являются материальное благополучие через профессиональное становление и самореализация в самостоятельно и свободно избираемых направлениях. Курсант военного вуза – это прежде всего представитель и защитник своей страны, государства, народа. В соответствии с Конституцией России, круг его свобод ограничен профессиональной необходимостью, связанной с обороной и обеспечением национальной безопасности государства и народа. То есть, выбирая военное образование, абитуриент уже на момент выбора сознательно со-

глашается, что он «не такой, как все». Он выбирает для себя профессиональную жизнь, центральной основой которой является понятие служебного долга, сопряженного с определенными трудностями и тяготами. И только затем – это обучающийся «студент». Если же говорить об иностранных военнослужащих любого состава, проходящих обучение в России, то они – военные представители своих государств, носители их (государств) военной культуры и традиции, сопряженной с национальной гордостью, уважением к родной стране, вооруженными защитниками которой они являются. Приезжающий учиться в российский военный вуз курсант или тем более офицер – это человек, подчас уже участвовавший в военном конфликте (Сирия, Йемен, Абхазия), который знает, что такое враг и друг, как выглядит применение оружия по назначению и уничтоженный противник. И даже если курсант приехал из «спокойной страны», мы понимаем, что им движет не праздное любопытство к принимающей стране, что он приехал не потому, что здесь «удобнее или дешевле учиться»; он – это живая часть его армии, он знает, что такое присяга, приказ и инструкция, он приехал для того, чтобы, получив знания в России и о России, стать полезным (необходимым) для своих Вооруженных Сил. Если с «гражданским студентом» можно общаться свободно, вовлекая в различные общие развлекательно-обучающие мероприятия, игры и т. д., то иностранный военнослужащий рассматривает процесс обучения в военном вузе России с точки зрения силы или слабости принимающей страны, ее военнослужащих и гражданского персонала, в том числе и преподавателей. Компонентами силы, в том числе и гражданского преподавателя, с которым вступает в общение иностранный военнослужащий, являются: искренняя любовь к своей стране и стойкая гражданская позиция человека, ведение преподавательской деятельности через призму доброжелательного, но строгого следования приоритетам, культурным, историческим и военным идеалам своей страны; широкий кругозор и спектр знаний, позволяющий объяснить какое-либо непонятное событие или явление, с которым столкнулся иностранный военнослужащий, готовность к отражению провокаций (провокация – серия методов подчас нейролингвистического характера, направленных на нащупывание слабых сторон человека и системы), неукоснительное соблюдение норм приличия и государственной тайны. И самое главное: постоянное, проводимое посредством образовательной и воспитательной деятельности ориентирование иностранного курсанта (офицера) к сотрудничеству, мотивация в нем не сугубо военно-профессионального интереса к России и ее вооруженным силам, но интереса познавательно-гуманитарного. Интересы к людям, истории, культуре принимающей страны, к поиску

и обретению общих сфер культурного взаимодействия, понятных и принимаемых военнослужащими любого государства.

Слабыми сторонами принимающей стороны в лице ее обучающего и воспитывающего состава являются: формализм и черствость во взаимоотношениях не только с иностранными военнослужащими, но также и со своими коллегами, ориентированность на свои эгоистические и узко-профессиональные цели, приоритет мероприятиям развлекательного характера, неумение отстаивать честь своей страны в глазах иностранного представителя, отсутствие или слабость исторических и общекультурных знаний. Крайне отрицательно влияет на восприятие России глазами иностранного курсанта подход, согласно которому серьезные знания для иностранного военного вредны, поскольку не нужны высокопрофессиональные вооруженные противники. Но если мы по возможности (в силу того, что к нам на обучение приехал иностранный военнослужащий) не будем вкладывать в иностранного курсанта то, что соответствует национальным интересам России, то в него заложат иные совсем другую информацию и отношение, может быть крайне враждебное к России. И тогда мы получим как раз того самого «высокопрофессионального вооруженного врага», который, относись мы к образованию и воспитанию иначе, мог бы быть нашим другом. Опыт в Сирии весьма показателен в этом плане.

Общими и характерными культурными особенностями России, ценимыми военными представителями любых стран, являются:

– ориентированность всего российского общества и особенно военнослужащих на сохранение традиционных ценностей, связанных с системой четко понимаемых военных событий (Победа советского народа в Великой Отечественной войне), а также с понятиями «семья и семейные ценности», этика как в светском (мораль и личная нравственность, совесть), так и в религиозном направлениях;

– миротворчество – обусловленность политических, социальных, экономических процессов в российском обществе потребностями мирного строительства и в добрососедских отношениях с другими странами. Примером здесь служит гуманитарно-миротворческая деятельность даже вопреки очевидным политическим мотивациям (бескорыстная помощь мирному населению воюющих стран, гуманитарная помощь даже агрессивно настроенным по отношению к России государствам – например медицинская помощь государствам-членам НАТО во время борьбы с последствиями катастроф, с коронавирусом и др.)

– великое культурно-историческое наследие России, имеющее особое смысловое значение для всей человеческой цивилизации: литература, наука, искусство, исторические цивилизационные

достижения – великие победы в войнах общенационального характера, способность выстаивать и побеждать в труднейших условиях, направленность к миру;

– особые достижения в сфере государственного строительства на почве дружбы народов и интернационализма в СССР и Российской Федерации как его преемнице. В том числе: успешная борьба с националистическими и подобными экстремистскими идеями и движениями. Ориентация на равенство людей вне зависимости от их национальной принадлежности при том, что вопросы национальной принадлежности рассматриваются как почва для привития чувства ответственности за сохранение важнейших народных традиций, убеждений, верований. Гибкий интернационализм с сохранением национальных чувств и национальной ответственности – один из важнейших инструментов для формирования терпимого, понимающего отношения к представителям иных государств и народов, с которыми общаются курсанты как по долгу службы, так и в обычной жизни.

Поэтому первым шагом преподавателя русского языка как иностранного курсантам военного вуза является прежде всего самообразование. Преподаватель русского языка (после командования, офицерского состава, задействованного в обеспечении служебной и образовательной деятельности иностранных военнослужащих) является основным человеком, посредством которого он, курсант, получает информацию о стране своего обучения и пребывания, о ее народе, культуре и истории. Первое впечатление – самое важное в процессе дальнейшего принятия или непринятия обучающимся и системы знаний, и собственно этической стороны образовательно-служебной жизни в России. Вне зависимости от того, насколько хорошо или плохо владеет иностранный военнослужащий русским языком, он (через переводчика или более осведомленных старших товарищей из национальной группы) получает на самом деле фундаментальную базовую информацию о России и ее людях (специалистах и профессионалах в служебной и бытовой среде). Как важно не пропустить этот момент первого настороженного знакомства со страной «через себя» – преподавателя языка этой страны. Как важно с первой минуты опять же через себя показать расположенность, заинтересованность в каждом курсанте (опять же независимо от его исходной лингвистической и образовательной базы), раскрыть его, пробудить своим участием его интерес к стране и обучению в ней. Не менее важно уметь терпеливо ответить на его вопросы, понимая, что ты в своих ответах отвечаешь и за страну.

По ментальным основаниям для любого иностранного военнослужащего принимающая сторона – это потенциальный противник, вне зависимости от коалиционного пристрастия их государств,

их политических и социально-экономических приоритетов. Любой встреченный ими человек – это поставщик информации, подтверждающей или опровергающей эту базовую психологическую установку. Преподаватель русского языка как иностранного – это человек, профессионально и социально ответственный за снижение груза такой психологической напряженности, это опровергатель установки. Сужение профессиональной ответственности преподавателя военного вуза рамками только «школьных» лингвистических знаний порождает у иностранных военнослужащих убеждение в социокультурной слабости российских представителей. Необходимо понимание, что обучение русскому языку – это не только и не столько обучение схемам, нормам, произношению – это обучение культуре и традиции русского языка, это обучение языковой жизни.

Самообразование преподавателя русского языка как иностранного в связи с этими обстоятельствами должно включать в себя обязательное овладение культурной (литература, искусство, философия, религия, светская этика) и исторической сферой знаний. Русский язык невозможен без отечественной литературы, ее наиболее ярких и ценных всем человечеством представителей: А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и др. Умение преподнести важнейшие для каждого человека, вне зависимости от его национальной принадлежности идеи, выработанные российской цивилизацией в образе ее выдающихся произведений – вот важнейшая задача преподавателя русского языка как иностранного. Тем более что иностранные курсанты живо и открыто интересуются особенностями и спецификой русской духовной жизни, в том числе литературой и философией.

Также принцип языковой толерантности предполагает в основе своей совокупность идей, методов и приемов, направленных на создание общей для представителей всех задействованных в обучении культур общей этико-лингвистической почвы или мира. Этико-лингвистический мир – совокупность наиболее доступных пониманию представителей иноязычной культуры форм традиционной и особенной, военной, семейной, светской, религиозной, культурной, этической коммуникации. Эта объемная и пластичная знаниевая среда предлагается обучающимся той или иной национальной группы с учетом их традиций, религиозных и/или иных моральных предпочтений, особенностей образовательных систем, существующих в их странах и с учетом мировоззрения (установок, принципов), свойственных военнослужащим соответствующих стран. Последнее положение (мировоззрение и воинские традиции иностранных военнослужащих) является ключевым в этом подходе. Военная среда – это система, основанная на устойчивых профессионально ориентированных «символах веры

и убеждений», образующих характер и направленность военного обучения, идеей которого является война, защита Родины от врага и причинение ему крайнего ущерба – смерти. Иначе говоря, военное мировоззрение ориентировано на резко контрастное мировосприятие через систему «свой/чужой», «друг/враг». Полярное мышление – это обязательная основа психики военнослужащего, иначе он просто будет не в состоянии воевать и уничтожать противника. Это не хорошо и не плохо – это профессиональная черта, без которой невозможна армия. Порицать военнослужащего тем, что он видит мир черно-белым и при этом готов причинять страдания «враждебному цвету» невозможно. Для того, чтобы в чем-то убедить военнослужащего (вне зависимости от страны и национальной принадлежности), надо стать ему искренним если не другом, то товарищем, помощником, «разъяснителем».

При этом надо учитывать что:

1. Военнослужащие обычно расценивают «мелочи и нюансы» в качестве слабости «противника», а не в качестве аргументов в споре. Привычка моментально избавляться от полутонов приводит к формированию новых когнитивных стереотипов. Например, в военном вузе могут одновременно обучаться представители одной страны, но враждующих военно-политических группировок. В частности, это характерно для Йемена. Попытки наивно «подружить» вчерашних врагов (воюющих у себя в стране с оружием в руках) приводят к следующим установкам: «пока он (враг) находится под защитой России, ее закона и требований, он обретает статус со-обучаемого (однокашника), пока-не-врага. Но как только мы с ним окажемся у себя на родине и он возьмет в руки оружие, я его уничтожу (или он меня). А сейчас, в России, мы можем совместно готовить доклад на семинар по русскому языку, даже списывать друг у друга». Преподаватель должен понимать, что в данной мысли агрессивной начинкой является установка на уничтожение «не врага», быстро эволюционирующего к понятию «враг». Между тем достижением здесь является само понятие «не враг». Но от понятия «не враг» к понятию «товарищ» – вероятно длительная эволюция, мало зависящая от аргументов о дружбе народов. Пять лет, пока длится обучение в стенах военного вуза, преподаватели должны постоянно прививать таким обучающимся яркие объединительные мыслеформы, центром которых будут страстно искомые, сверхценные образы жизни (а не смерти): любовь, преодоление (ненависти, вражды), семья, мир. На примерах российской истории и литературы мы можем показать, что такое в принципе возможно. Примирение после Гражданской войны 1918–1922 годов, строительство межнационального государства, победившего фашизм (СССР в 1930–40-х гг.). Произведения, побуждающие задуматься о необходимости

примирения: «Бег», «Дни Турбиных». Мы, учителя русского языка как иностранного, можем сформировать во вчерашних непримиримых врагах то, что в дальнейшем послужит делу мира в их странах.

2. Понятие «толерантность» военно-профессиональным сообществом категорически отторгается. И дело здесь не только в специфике самого слова «толерантность» – то есть терпимое отношение к иному, опирающееся на христианскую этику, чуждую большинству представителей исламского мира и на психологию «полутонув», невозможную для военного человека. Несмотря на то, что само понятие «толерантность» вошло в словари еще в XV веке, оно требует того, что военнослужащим в силу их профессии менее всего свойственно: страдательно-терпимого отношения к чужаку. Военная психология открыто принимает героические страдания раненых солдат и/или случайно попавших в плен; но страдательное терпение чужака, моментально оборачивающегося врагом, угрозой в сознании военнослужащего, – невыносимо. С точки зрения классического определения слова «толерантность» страдательно терпеть (страдать, но терпеть) человек должен: гендерные и расовые различия, наличие инвалидов в обществе (вообще слабых, неспособных служить), религиозные различия, различия в сексуальной ориентации, политические различия, образовательные и классовые различия.

Именно в силу слишком пространныго, абстрактного и противоречивого понимания этого термина оно не воспринимается ни военными, ни гражданскими людьми в самом российском обществе. Как свидетельствует опрос, проведенный автором как в среде иностранных, так и в среде российских военнослужащих, само понятие «толерантность», как и «гуманизм», вызывает у них стойкое отторжение. Большинство опрошенных военнослужащих азиатской военной культуры (9 из 10) считают понятие «толерантность» свойством «лицемерной западной культуры». За основу этого убеждения берется Вьетнамская война, как известно, принесшая немыслимые страдания местному населению: «Они, носители толерантности, нас не терпели и уничтожали всех: женщин, стариков, детей самым чудовищным способом: фосфорные бомбы, агент “Оранж”. Это не забыть». Большинство войн, которые прошли по территориям Вьетнама, Лаоса, Китая, Кореи и других дальневосточных стран, носили крайне жестокий характер, вообще несовместимый с какой-либо этикой. Примерно так же относятся к понятию толерантность представители ближневосточной и среднеазиатской военной культуры. С ними солидарны и российские военнослужащие.

Мало того, ни военно-профессиональная, ни гражданская среда российского общества не терпит и не потерпит в силу направленности на сохране-

ние своих исконных традиций понятия «толерантность» в предложенном объеме. В силу выше-названных причин понятие терпимости должно включать в себя прежде всего понимающее и принимающее отношение к расовым (национальным), религиозным и политическим различиям. Если в российской (и не только российской) истории и культуре есть примеры подлинной терпимости даже в условиях войны, ради победы требующей снятия этих различий, то примеров принятия резко девиантных моделей поведения в этой среде быть не может в силу исходного противоречия между способами их бытия. В качестве примера можно привести девиантную модель-образ, именуемую «женщина-воин». Устоявшаяся формулировка о том, что «у войны не женское лицо» свидетельствует о неприятии воюющей с оружием в руках женщины, даже несмотря на примеры настоящего героизма, проявленного женщинами в войнах. Сознание, ориентированное к миру, определяет женщину как мать и хранительницу очага, миротворицу и родительницу, и только в исключительных случаях (к их числу относится защита отечества, города, крепости) воюющая женщина принимается как образ и явление. Такое отношение к женщине также свойственно и исламской культуре. Общим здесь является установка на то, что женщину женщиной делает творимый ею мир (дом, очаг, семья, дети, верность, любовь). Если же она взяла в руки оружие, то она уже «не женщина» и подлежит действию суровых военных законов, понимаемых опять же не с точки зрения международного гуманитарного права, а с точки зрения своей военной традиции. Потому столь нетерпимы военнослужащие любых стран к феминистским воительницам. В то же время абсолютно нетерпимыми воины любой страны и любой военной культуры будут не столько к гендерным различиям и относительно приемлемым девиациям, сколько к крайне девиантным «ориентационно-половым» моделям поведения. Наличие подобных субъектов в обществе само по себе воспринимается военным сообществом как угроза традиционным ценностям, подлежащим вооруженной защите: семья, дети, будущее своей семьи и страны в целом. Поскольку «благодаря» масс-медиа в традиционных обществах позиция толерантности прочно увязывается с терпимостью (почему-то) именно к резко девиантным и подлежащим коррекции слоям, это понятие и отрицается.

Именно поэтому принцип межкультурного этико-лингвистического взаимодействия как основа языковой толерантности (терпимости) в обучающей и воспитывающей среде военного вуза должен включать в себя:

1) процесс саморазвития и самообразования преподавателя, состоящий из: а) комплекса гуманитарных наук, помогающих прививать курсантам идеи мирного духовного развития и созидания,

исторические примеры преодоления трудностей, войн и катастроф; б) комплекс знаний, помогающих преподавателю принять нормы и установки военного мировоззрения, обусловленные культурой той или иной страны;

2) учебно-методическую и культурно-просветительскую работу по привитию обучаемым норм терпимости к религиозным и национальным различиям на основе общих этических принципов в ходе обучения русскому языку как иностранному.

Основной целью данной методики является:

- направленность на снижение агрессивных содержаний к «не врагам», смягчение контрастного мышления, свойственного военнослужащим;

- формирование восприимчивого (откликающегося, понимающего, толерантного) сознания военнослужащего, ориентированного на принятие миролюбивой, созидательной, объединяющей идеи российской культуры, основанием которой является русский язык.

В рамках этой методики особое значение имеет внеучебная деятельность в виде:

- дополнительных занятий по русскому языку как иностранному с курсантами, начинающими обучение русскому языку «с нуля» и с курсантами тех национальных групп, которым русский язык дается с особым трудом (в основном это представители восточноазиатских культур в силу разницы в структуре, например, лаосского и русского языков);

- литературные чтения и посещение театров;

- совместное изучение военной истории стран-представительниц и российской военной истории;

- создание кружков для любителей: русской поэзии, прозы, философии, истории;

- конкурсы эссеистов по направлениям: 1) чему военнослужащего (наименование страны) учит российская военная история / литература / художественная культура; 2) чему российского военнослужащего может научить военная (художественная, духовная) культура моей страны.

Таким образом создается этико-лингвистическая среда, где даже плохо знающий русский язык иностранный военнослужащий учится понимать и принимать важнейшие идеи, этические и военные нормы и подходы, о которых в силу определенных обстоятельств он, скорее всего, не задумывался.

Это тем более необходимо, поскольку, как отмечают многие исследователи, «бессознательный уровень восприятия культуры имеет не менее важное значение в жизни и поведении конкретного индивида, чем его сознательный уровень» [Подгорная: 114]. Главная задача при взаимодействии представителей разных наций – снятие культурной глухоты к иной культуре и другим взглядам на вещи [Сokolовская: 211]. В формировании толерантности у иностранных обучающихся в процессе изучения русского языка как иностранного большую роль играет психология общения. Коммуникативная

психология изучает языковые и неязыковые средства, присущие определенной культуре. Коммуникация всегда осуществляется с учетом различных контекстов: общественно-политических, идеологических, социально-культурных, исторических, этнокультурных и др. Каждый контекст может неблагоприятно влиять на коммуникацию, и преодолеть его могут обучающиеся с толерантным сознанием. Именно поэтому среди компонентов коммуникативной компетенции обучающихся выделяется культурно-страноведческая компетенция. Когда в результате речевого взаимодействия собеседники учитывают культуру, историю народа, язык, который изучают [Белоцерковец: 98].

Но мы не должны забывать и собственно лингвистическую составляющую процесса обучения русскому языку как иностранному. Потому важны и требования к текстотеке современного учебно-методического комплекса (учебника, учебного пособия, тексты по специальности). Она должна быть: функциональной и максимально иллюстративной (иллюстрировать определенную задачу из коммуникативного минимума); адекватной (содержать языковой и речевой материал, необходимый для решения задач коммуникативного минимума); представительной (содержать аутентичные материалы).

И уже затем (по мере усвоения коммуникативного минимума) текстотека наполняется дополнительным содержанием, способствующим формированию восприимчивого (откликающегося, понимающего, толерантного) сознания военнослужащего.

Следует отметить, что функции текстов, включенных в учебно-методические материалы, направлены не на «перевоспитание» обучающихся. Они обязаны дать иностранным курсантам и слушателям возможность самостоятельно изучать материал и максимально правильно и эффективно решать коммуникативные и сопутствующие этические (этико-лингвистические) задачи, находить выход из проблем и событийных трудностей на русском языке.

Преподаватель-практик в этом процессе выступает помощником, разъяснителем и интерпретатором встречающихся трудностей, проблем и событий. Он должен выступать от имени своей страны защитником и помощником иностранного военнослужащего на пути к реализации своей основной цели: обучению русскому языку как основе великой отечественной духовной культуры. Преподаватель должен помнить, что от первого, порой бессознательного впечатления зависит очень многое. А именно: отношение к принимающей стране, ее людям и особенностям образовательной системы. От нашей способности нести свою ответственность зависит то, каким может быть мир через 10, 20, 30 и т. д. лет. Курсанты, получившие российское военное образование, вырастают до генералов

и министров, а подчас и политических деятелей. Однажды ими может быть принято решения «за» или «против». И, возможно, решение «против» будет обусловлено формальным и черствым отношением к нему «учительницы русского», научившей его писать «мама мыла раму», но о самом важном сказать не успевшая.

Список литературы

Белоцерковец Н.И., Васильев А.М., Назаренко Н.Н. Педагогика межнационального общения: учеб. пособие. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2008. 168 с.

Лаврик В.В. Культура межнационального общения военнослужащих в Вооруженных Силах многонационального государства: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 1992. 225 с.

Подгорная Л.Д. Межкультурная коммуникация и ее культурно-антропологические основы // Материалы современной конференции корейской ассоциации русского языка и литературы и института российских исследований, 6–7 июня 2013 г. Ионгин, 2013. 252 с.

Соколовская Т.Б. Некоторые аспекты лингвистического анализа политического текста в корейской аудитории // Исследования по славянским языкам. Сеул. 2003. Т. 8. 280 с.

References

Belocerkovec N.I., Vasil'ev A.M., Nazarenko N.N. *Pedagogika mezhnacional'nogo obshhenija* [Pedagogy of interethnic communication]: textbook. Stavropol, Publ. center Stavropol State pedagogical University, 2008, 168 p. (In Russ.)

Lavrik V.V. *Kul'tura mezhnacional'nogo obshhenija voennosluzhashchih v Vooruzhennyh Silah mnogonacional'nogo gosudarstva* [Culture of interethnic communication of military personnel in the Armed Forces of a multinational state], Dis. ... cand. philos. sciences. Moscow, 1992, 225 p. (In Russ.)

Podgornaja L.D. *Mezhkul'turnaja kommunikacija i ee kul'turno-antropologicheskie osnovy*. [Intercultural communication and its cultural and anthropological foundations]. *Materialy sovremennoj konferencii korejskoj associacii russkogo jazyka i literatury i instituta rossijskih issledovanij* [Materials of the modern conference of the Korean Association of Russian language and literature and the Institute of Russian studies, June 6–7, 2013]. Jongin, 2013, 252 p. (In Russ.)

Sokolovskaja T.B. *Nekotorye aspekty lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta v korejskoj auditorii* [Some aspects of linguistic analysis of the political text in the Korean audience]. *Issledovanija po slavjanskim jazykam* [Research on Slavic languages]. Seoul, 2003, vol. 8, pp. 280. (In Russ.)